

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	175
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	368
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	519

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Первое сообщение о том, что на «Аэробусе-300» вспыхнул пожар и самолет идет к далласскому аэропорту Форт-Уорт, поступило в здание, где был расположен Отдел новостей телестанции Си-би-эй в Нью-Йорке, всего за несколько минут до выхода в эфир первого блока «Вечерних новостей на всю страну».

Было 18.21 по времени Восточного побережья, когда заведующий отделением Си-би-эй в Далласе сообщил по радиотелефону выпускающему, сидевшему за «подковой» в Нью-Йорке: «В далласском аэропорту Форт-Уорт с минуты на минуту может произойти большая катастрофа. Маленький самолет и аэробус, полный пассажиров, столкнулись в воздухе. Самолет рухнул на землю. В аэробусе вспыхнул пожар, и он пытается сесть. Данные о ситуации непрерывно поступают по полицейскому радио и радио «Скорой помощи»».

— Господи! — воскликнул другой выпускающий, сидевший за «подковой». — А у нас есть хоть какая-то возможность получить картинки?

«Подковой» назывался огромный стол, за которым могли разместиться двенадцать человек и где каждый день с самого раннего утра и до последней секунды, пока работало телевидение ночью, планировались и

составлялись основные программы новостей. На теле-станциях-конкурентах это именовалось по-разному: на Си-би-эс — «рыбным садком», на Эй-би-си — «ободом», на Эн-би-си — «пультом управления». Но любое из этих названий означало одно и то же.

Здесь сидели, бесспорно, лучшие умы телестанции, способные оценить новость и решить, как ее подать: ответственный за выпуск, ведущий, старшие выпускающие, режиссер, редакторы, текстовики, главный художник и помощники. Там же, словно инструменты в оркестре, стояли с полдюжины компьютеров, а также передающие новости телетайпы, целая фаланга телефонов и телемониторов, на которых можно мгновенно воспроизвести от неотредактированной пленки до подготовленного блока новостей и передач конкурирующих телестанций.

«Подкова» находилась на четвертом этаже главного здания Си-би-эй, в центре большого пустого помещения, вдоль одной из стен которого шли двери в кабинеты ответственных сотрудников, так что те могли на время сбежать туда из подчас накаленной атмосферы «подковы».

Сегодня, как и почти всегда, на председательском месте за «подковой» сидел ответственный за выпуск Чак Инсен. Худой и вспыльчивый, он был журналистом-ветераном, с ранних лет печатался в газетах и по сей день предпочитал по старинке внутренние новости международным. Ему исполнилось пятьдесят два года, и по нормам ТВ он считался стариком, но был по-прежнему полон энергии, хотя и проработал четыре года на таком месте, где других едва хватало на два. Чак Инсен, случалось, и нередко, бывал груб с сотрудниками: он терпеть не мог людей глупых и болтунов. По одной простой причине: у него не было времени с ними разбираться.

Сейчас — а была середина сентября, среда — напряжение за «подковой» дошло до высшей точки. С самого раннего утра и весь день напролет те, кто там сидел, отбирали и выстраивали материал для «Вечерних новостей на всю страну»: корреспонденции просматривались, обсуждались, передвигались, отклонялись. Корреспонденты и выпускающие, разбросанные по всему миру, предлагали идеи, получали задания и присылали материал. В результате события за день сводились к текстам восьми корреспондентов длительностью от полутора до двух минут, двум комментариям и четырем «пересказам» событий. Комментарии давал ведущий на фоне «картинки». И для того и для другого выделялось в среднем двадцать секунд.

Сейчас из-за далласского сообщения — а до эфира оставалось меньше восьми минут — возникла необходимость перестроить все «Новости». Хотя никто не знал, сколько еще поступит информации и будет ли зрительный ряд, надо было снимать один из сюжетов и сокращать другие, чтобы включить известие из Далласа. А это означало, что для балансировки придется менять и последовательность изложения событий. Передача уже начнется, а продолжение ее еще будут перестраивать. Такое часто случалось.

— Всем: новый план передачи, — последовал сухой приказ Инсена. — Начнем с Далласа. Кроуф дает «пересказ». У нас уже есть сообщение по телетайпу?

— Только что поступило от АП. Оно у меня, — ответил ведущий Кроуфорд Слоун.

Он как раз сейчас сидел за «подковой» на своем обычном месте — справа от ответственного за выпуск и читал бюллетень Ассошиэйтед Пресс, который ему вручили несколько мгновений назад.

Его резко очерченное лицо, волосы с проседью, волевой подбородок и властная, уверенная манера

держаться были знакомы примерно семнадцать миллионов телезрителей, которые почти каждый вечер видели Слоуна на своих экранах. Кроуф Слоун тоже был журналистом-ветераном, неуклонно продвигавшимся вверх по служебной лестнице; особенно большой рывок он сделал после того, как поработал корреспондентом Си-би-эй во Вьетнаме. Потрудившись затем репортером в Белом доме, а потом в течение трех лет выступая каждый вечер в роли ведущего, он стал как бы национальным достоянием и принадлежал к элите средств массовой информации.

Через две-три минуты Слоун уйдет в студию и начнет свой «рассказ», основываясь на фактах, поступивших из Далласа по радиотелефону, а также на том, что он почерпнул из отчета АП. Текст он всегда писал сам. Так поступали далеко не все ведущие. Слоун же перед выступлением всегда делал для себя наброски. Только надо было быстро поворачиваться.

Снова раздался громкий голос Инсена. Просмотрев первоначальный план передачи, он сказал одному из трех старших выпускающих:

— Убирайте Саудовскую Аравию. Снимите пятнадцать секунд с Никарагуа...

Слоуна передернуло, когда он услышал решение убрать сюжет о Саудовской Аравии. Это была важная новость о планах, связанных с продажей нефти, к тому же хорошо подготовленная на две с половиной минуты корреспондентом Си-би-эй по Ближнему Востоку. А завтра этот сюжет уже не пройдет, так как известно, что этими данными располагают и другие станции и они передадут их сегодня вечером.

Слоун не сомневался, что новость из Далласа надо ставить на первое место, но если бы ему предложили решать, он снял бы сюжет об американском сенаторе, занимавшемся неблагоприятными делами на Капито-

лийском холме. Законодатель втихую проставил сумму в восемь миллионов долларов в поистине гаргантюанский законопроект, чтобы услужить своему другу, давшему денег на его избирательную кампанию. Только благодаря въедливости одного репортера все это выплыло на свет божий.

Эта вашингтонская история, хоть и красочная, была не столь уж важной новостью: коррупция среди членов конгресса стала обычным явлением. «Но Чак Инсен, — мрачно подумал Слоун, — принял характерное для него решение — снять международную новость».

Отношения между этими двумя людьми — выпускающим и ведущим — никогда не были особенно хорошими, а в последнее время значительно ухудшились из-за разногласий относительно того, что пускать в эфир. Казалось, они все больше расходились в главном — не только каким новостям каждый вечер отдавать предпочтение, но и как их освещать: Слоун, например, предпочитал углубленную разработку нескольких основных тем; Инсен же стремился втиснуть в передачу возможно больше новостей, даже — как он частенько говорил — «давая некоторые скороговоркой».

При других обстоятельствах Слоун стал бы возражать против снятия материала о Саудовской Аравии и, возможно, добился бы положительного решения — ведущий является ведь одновременно и главным редактором и имеет право включать в передачу те или иные материалы, — только вот сейчас не было на это времени.

Поспешно вдавив каблучки в пол, Слоун отодвинул свое кресло на колесиках и слегка повернул вбок, чтобы удобнее было сидеть за компьютером. Сосредоточившись, отключившись от царившего вокруг бедлама, он принялся выстукивать первые фразы вечерней передачи.

«Из далласского аэропорта Форт-Уорт только что поступило самое первое сообщение о том, что может обернуться трагедией. Несколько минут назад в воздухе столкнулись два пассажирских самолета, один из них — тяжело нагруженный аэробус компании «Маскигон». Столкновение произошло над городом Гейнсвилл в Техасе, к северу от Далласа, и, по сообщению Ассошиэйтед Пресс, второй самолет — судя по всему, маленький — стал терять высоту. На данный момент о его судьбе или о жертвах на земле ничего не известно. Аэробус еще летит, но он в огне — пилоты пытаются посадить его в далласском аэропорту Форт-Уорт. Там наготове уже стоят пожарные и «скорая помощь»...»

Пальцы Слоуна летали по клавишам, в то время как в мыслях промелькнуло, что сегодня лишь немногие выключат свои телевизоры, пока будут идти «Вечерние новости». Добавив фразу и порекомендовав телезрителям смотреть передачу до конца в ожидании дальнейших сообщений, он нажал на клавишу принтера. Копию этого текста получают и на «экране-подсказке», так что когда он спустится этажом ниже, в студию, на экране его уже будет ждать текст.

С пачкой бумаг Слоун быстро направился к лестнице, ведущей на третий этаж, и по дороге услышал, как Инсен спросил у старшего выпускающего:

— Черт подери, да где же «картинки» из Далласа?

— Дело худо, Чак. — Выпускающий, прижав телефонную трубку плечом, как раз говорил с редактором внутриамериканских новостей, находившимся в главной репортерской. — Горящий самолет уже подлетает к аэропорту, а наша съемочная группа туда не успевает.

— А, черт! — ругнулся Инсен.

Если бы на телевидении за опасную работу давали медали, у Эрни Ласалла, редактора внутриамериканских новостей, вся грудь была бы в знаках отличия. Ему всего двадцать девять лет, но он уже успел отличиться, работая — часто в опасных ситуациях — в Ливане, Иране, Анголе, на Фолклендских островах, в Никарагуа и других беспокойных местах в качестве выпускающего Си-би-эй. И хотя в мире по-прежнему возникали подобные ситуации, теперь Ласалл обозревал события, происходящие дома, в Америке, — где порой бывало не менее взрывоопасно, — сидя в удобном мягком кресле, которое стояло в кабинетике, отделенном стеклом от главной репортерской.

Ласалл был ладный, узкокостный, энергичный, он хорошо одевался и носил аккуратно подстриженную бородку — «настоящий молодой делец», как говорили некоторые. На нем лежала большая ответственность за освещение всего, что происходило в стране. Вторым таким человеком в репортерской был редактор международных новостей. У каждого было по кабинету, куда они уединялись, когда новость требовала особого внимания или же непосредственно касалась одного из них. Авария в далласском аэропорту Форт-Уорт как раз требовала особого внимания — ergo*, Ласалл и бросился в свой кабинетик.

Репортерская находилась этажом ниже «подковы». Там же находилась и студия, которая часто использовала шумную репортерскую в качестве зрительного ряда. Аппаратная, где монтажер склеивал фрагменты программы, находилась в подвальном помещении.

Прошло семь минут с тех пор, как заведующий далласским отделением Си-би-эй передал первое сообщение о том, что пострадавший аэробус приближается к

* *Значит, следовательно (лат.). — Здесь и далее примеч. пер.*

аэропорту Форт-Уорт. Ласалл швырнул телефонную трубку на аппарат, схватив другую, одновременно пробега глазами экран стоявшего рядом компьютера, на котором только что появилось новое сообщение АП. Он делал все возможное, чтобы обеспечить наиболее полное освещение события, и одновременно сообщал на «подкову» обо всех новых фактах.

Это Ласалл сообщил о том, где — увы! — находится сейчас съемочная группа Си-би-эй, и хотя репортеры мчались к аэропорту, нарушая все ограничения скорости, они все еще находились в двадцати милях от места события. Дело в том, что день в далласском отделении выдался напряженный, и все съемочные группы, корреспонденты и выпускающие разъехались по заданиям и, как на беду, находились далеко от аэропорта.

«Картинки», конечно, скоро поступят, но съемки будут сделаны уже после того, как сядет аэробус, это будет, безусловно, зрелищно и, возможно, трагично. В любом случае «картинки» едва ли появятся к первому выпуску «Вечерних новостей на всю страну», которые транслируются через спутник почти на все Восточное побережье и в некоторые районы Среднего Запада.

Утешало лишь то, что, как выяснил шеф далласского отделения, никакая другая общенациональная или местная телестанция тоже не имела в аэропорту своей съемочной группы, — правда, они, как и группа Си-би-эй, уже мчались туда.

Продолжая говорить по телефонам, Эрни Ласалл видел из своего кабинета ярко освещенную студию, куда только что вошел Кроуфорд Слоун и где царила обычная, предшествующая эфиру сумятица. Телеконтролерам, наблюдавшим за Слоуном во время передачи, всегда казалось, что ведущий находится в репортерском зале. Однако на самом деле студию отделяла от репортерской звуконепроницаемая перегородка из

толстого стекла, чтобы шум не мешал передаче, — случилось, правда, что шумы репортерской, слегка микшируя, включали для звукового эффекта. Было 18.28 — до начала передачи оставалось две минуты.

Как только Слоун опустился в кресло за столом ведущего, спиной к репортерской и лицом к средней камере — а их всего было три, — к нему подошла гримерша. Слоун уже гримировался десять минут назад в комнатке рядом со своим кабинетом, но с тех пор вспотел. Сейчас девушка промокнула ему лоб, припудрила, провела расческой по волосам и чуть сбрызнула лаком.

Слоун нетерпеливо буркнул: «Спасибо, Нина», затем пробежал глазами начальные слова своего «пересказа» событий, проверяя их соответствие с находящимся перед его глазами «экраном-подсказкой», откуда он будет читать текст, тогда как зрителям будет казаться, что он смотрит на них. Мы часто видим, как обозреватель переворачивает страницы, — это делается на случай, если «экран-подсказка» подведет. Режиссер громко объявил:

— Одна минута!

А Эрни Ласалл в своем кабинете вдруг выпрямился в кресле, насторожившись: весь внимание.

За минуту до того у заведующего далласским отделением зазвонил другой телефон, и он, извинившись перед Ласаллом, взял трубку. Ласалл ждал — он слышал голос заведующего, но не слышал, что говорилось. А когда тот сообщил ему, Ласалл заулыбался во весь рот.

Он тотчас взял трубку красного телефона, стоявшего у него на столе и соединявшего его через громкоговорители со всеми службами.

— Говорит внутриамериканская служба новостей, Ласалл. Приятная новость. Сейчас начнем получать «картинки» из аэропорта Форт-Уорт. Там случайно оказались Партридж, Эбрамс, Ван Кань. Эбрамс только что сообщила в далласское отделение, что они берутся за освещение события. Далее, фургон с сателлитом отозван с другого задания и находится на пути в Форт-Уорт, должен скоро прибыть. Время передачи через спутник из Далласа в Нью-Йорк забронировано. Рассчитываем получить «картинки» для включения в первый блок «Новостей».

Хотя Ласалл говорил отрывисто, лаконично, ему трудно было заставить голос звучать ровно, чтобы в нем не чувствовалось удовлетворения. Сверху, оттуда, где находилась «подкова», донеслось приглушенное «ура». А Кроуфорд Слоун в студии повернулся на своем кресле и радостно поднял вверх два больших пальца.

Помощник положил на стол редактора внутриамериканских новостей лист бумаги, тот взглянул на него и прочитал по радиотелефону:

— Еще одно сообщение от Эбрамс: «На борту терпящего бедствие аэробуса — 286 пассажиров, 11 человек команды. Столкнувшийся с ним частный самолет «Пайпер чиенн» упал в Гейнсвилле, все погибли. Есть пострадавшие на земле — о них подробностей пока нет. У аэробуса отлетел один мотор, пытается сесть на оставшемся моторе. Воздушная диспетчерская сообщает, что пожар — в том месте, где отсутствует мотор». Конец сообщения.

Ласалл подумал: «До чего высокопрофессиональны все сообщения, поступившие из Далласа за последние несколько минут». Но в этом не было ничего удивительного, так как группа — Эбрамс, Партридж и Ван Кань — была одной из самых сильных на Си-би-эй. Рита Эбрамс, очень быстро ставшая из простого корре-

спондента старшим разъездным выпускающим, умеющим схватывать ситуацию, и обладающая изобретательностью в передаче новостей даже в самых трудных условиях, а Гарри Партридж был одним из лучших корреспондентов. Вообще-то он специализировался на военной тематике и, как и Кроуфорд Слоун, работал репортером во Вьетнаме, но можно было не сомневаться, что он прекрасно справится с чем угодно.

Оператор Минь Ван Кань, выходец из Вьетнама, ныне американский гражданин, отлично снимал в опаснейших ситуациях, не особо раздумывая, останется ли сам жив. Если уж эта тройка займется сейчас Далласом — хороший материал гарантирован.

К этому времени на часах было уже 18.31, и первый блок внутриамериканских новостей пошел в эфир. Ласалл потянулся к рычажку на консоли рядом со столом и, включив звук в находившемся над его головой мониторе, услышал Кроуфорда Слоуна, сообщавшего об аварии в аэропорту Форт-Уорт. Камера показала руку — руку текстовика, положившего перед ним лист бумаги. Это было явно сообщение, которое только что продиктовал Ласалл, и, бросив на бумагу взгляд, Слоун включил его в свой текст. Он блестяще умел это делать.

Наверху, за «подковой», настроение после сообщения Ласалла изменилось. Хотя спешка и напряжение не спадали, люди повеселели, зная, что за развитием событий в Далласе наблюдают и скоро вместе с более полным отчетом начнет поступать зрительный ряд. Чак Инсен и остальные напряженно следили за мониторами, спорили, принимали решения, выжимали секунды, резали и перестраивали материал, чтобы освободить время для новостей из Далласа. Похоже было, что сообщение о коррумпированном сенаторе выпадет вообще. Все чувствовали, что работают с мак-